

70 ЛЕТ СЕРГЕЮ ШАУЛОВУ

Сергей Абрамович Шаулов для своего дебюта в литературе «выбрал» достаточно позднее время. С таким же успехом он мог дебютировать гораздо раньше – и в тридцать лет, и даже в двадцать со стихами. Проза, думается, пришла к нему позже. Он не спешил нести в редакцию свежее испеченное, оно у него отлеживалось, дозревало. Много и теперь дозревает и, не обязательно в написанном варианте, зреет в его душе. Ему было около пятидесяти лет, когда он появился у нас в редакции. Журнал с его рассказом лежал в хаотичной стопке вместе с другими номерами, Сергей же, статный, высокий, нервно ходил по коридору, то и дело заглядывая в кабинет главного редактора, чтобы узнать, не освободелся ли Мансур муаллим.

Еще в рукописи, увидев фамилию «Шаулов», я подумал, не сын ли он сослуживца моего отца, работника идеологического отдела райкома партии, позже направленного на работу в торговлю, Абрама Шаулова. Я спросил у Сергея об отце, оказалось, что был прав. У нас сами собой сложились приятельские отношения.

В кабинет к Мансуру муаллиму он, конечно, вошел, не дожидаясь, пока тот освободится, вошел твердым шагом, щедро делясь энергетикой. Много позже он напрямик спросил у меня, нравится ли мне то, что он пишет. Я сидел в кабинете Мансура, перелистывал рукопись его прозы «Студенческая пастораль». Мне нравилось даже то, что в названии было слово «пастораль». Я тоже как-то в самом начале дал название «Пастораль» первому своему переводу на русский.

Проза Сергея Шаулова непростая, для литературных гурманов. Пишется со скрежетом пера, но в итоге все в ней взвешенно и четко. Никакой бытовой описательности, литература в чистом виде.

В общении со мной Сергей часто повторяет: «Этот мир спланирован тщательно!» Повторяет не столько для меня, сколько для того, чтобы еще раз убедить в этом себя самого. Проведя параллель от этой позиции к его творчеству, можно увидеть, что строит он литературу свою тоже тщательно, по многу раз шлифуя и оттачивая. Бывает, что возвращается к уже напечатанным произведениям, чтобы переделать их. К представленным к семидесятилетию стихам он добавил еще одно, которое публиковалось ранее, но его требующей скрупулезной отточенности душе угодно было стихотворение это вновь переработать, так как мир его литературы требует тщательности...

От редакции и по велению души, с искренними поздравлениями со славным 70-летним ЮБИЛЕЕМ, Надир Агасиев.

СЕРГЕЙ ШАУЛОВ

* * *

Город полон одуванчиков,
Тополиный пух летит,
Город близкий и обманчивый,
Чаша грусти и любви.

В переулочках акации
Опоили месяц май,
Город-бред, галлюцинация...
Я дошёл: не исчезай!

Ожидая в час таинственный
Звёзд янтарное зерно,
Ты шептала: «Мой единственный!»,
Гасло скромное окно.

Месяц, лепет, вспышка, зайчики,
Рифмы, губы, бред, стихи ...
Город полон одуванчиков,
Тополиный пух летит.

* * *

Смеялись мы. Не досмеялись.
Слиялись мы. Дельфин кричал.
Огни маячные качались.
Я знал тебя. И не узнал.

Корабль прогулочный отчалил.
Ты рядом. На душе покой.
Забытой музыкой печали
Парят мечети за кормой.

Троллейбус сумрачный. Последний.
Ты рядом. Я тревожно сплю.
Твои уста огнём осенним
Упали и горят во лбу.

Аэропорт. Разверсты дали.
Неоном красным рейс твой жгут.
Ты улетела. Пусто в зале.
Как умер. И чего-то жду.

АБШЕРОНСКАЯ САГА

Памяти мамы

По утрам, по утрам...
... там по ранним утрам птичий гам.
По ночам
Там над гнёздами звёзды горят,
И квакушки-т от счастья кричат.

День горяч, деловит,
День жужжит, день струит,
Гамм и радуг сулит
Миражи...
Ближих сумерек тюль
Ворожит.

Ты пришла – как взошла!
Ты взъерошила чувства мои.
Не спеши...
Хорошо так считать этажи:
Это – жизнь;
Это – явь;
Этот сон, этот свет...
Свет из окон и окнам вослед.

Во-о-он и ты.
Льётся свет твой с такой высоты...
Для меня – ты звезда!
Я окно.
По ночам я скитаюсь давно.

... по ночам, по ночам:
где над крышами звёзды парят;
где ракушки-т от боли хрустят;
где по ранним утрам птичий гам,
голос твой, голос мой и
Любовь.
Непогасшая наша любовь...

Ты звезда. Я окно.
Вот и всё.

* * *

Там должны быть вокзалы
в паровозном дыму,
грациозные дамы,
гиацинты в снегу;
в запотевшие окна
ждать укол огоньков,
охмелеть под игристый
разговор пузырьков;
на морозном перроне
вдруг увидеть глаза,
от сердечного звона
улететь в небеса.
Там-м-м возможно иное
воплощенье начал,
так возьмёт за живое
от тоски ль, сгоряча,
что бросает вокзалы
в жар фонарный
свеча!

АБШЕРОНСКИЙ ТОПОЛЬ

1

Гармония всхрипела от стиха
и замерла: лавиной мира...
Горят созвездья, блики, купола
по замыслу словесного эфира.

Дельфин трубит, гранат завис,
украсив ветку мироздания,
А паутинка в этот миг
летит, не ведая сознанья.

Нашлись стальные мужики,
срубили тополь.
И лишь стихи, и лишь стихи
хранят предсмертный шёпот.

Пропоют, пропоют хорошо так
в тиши петухи,
Чуть лишь небо восходом проявится,
понесут меня в путь только эти стихи...
И вспорхнёт тополёк, и потянется!

2

*По духовной брже брату моему
Надыру Агасиеву*

Мне век не выбирать! Властители у трона
меняют лики, тени, имена,
Но серебрист мой абшеронский тополь,
и светит изумрудная звезда.

Пройдут дожди, осыпятся столетья,
покинет свет земное естество...
Иной поэт иного Абшерона
вглядится в призрачное хроно
И вновь откроет строки про него:

Мне век – не выбирать!
Высокий тополь
роняет в это время
серебро...

Вечернее письмо

П. Н.

**Из тьмы, и тьмы, и тьмы немых тысячелетий,
Познавшая любовь, во мне ты воплотилась,
Но вот, скажи на милость, живое эхо спит,
А помнишь, как оно дворняжкою прижилось.**

**На улочке уют – я был там! Как и прежде
Над крышами скользит созвездие надежды,
Оранжевый торшер, весёлый абажур в пасьянсе окон,
Строкой осеребрён склонённый локон.**

**Там воздух так же чист. Вновь сквер отшелестел.
О, как пьянит земное ожиданье...
Лети, моя любовь, дыханье затаив,
Из тьмы, и тьмы, и тьмы на первое свиданье.**

Литературный Азербайджан – 2020.-№12 – С.115-119.